
Мятный шкаф.
Карманы Мира
Елена Гореликова

Елена Гореликова

Мятный шкаф. Карманы мира.

«Автор»
2026

Гореликова Е.

Мятный шкаф. Карманы мира. / Е. Гореликова — «Автор», 2026

«Старинный шкаф, пахнущий мятой, в котором ничего невозможно найти, вдруг начинает обменивать вещи. Две сестры находят чужие джинсы и билет из ниоткуда — и понимают: где-то есть такой же шкаф. Но кто и зачем платит за обмен потерянными носками? И почему загадочный злодей-карманник хочет зашить карманы души навсегда?»

© Гореликова Е., 2026
© Автор, 2026

Елена Гореликова
Мятный шкаф. Карманы мира.

Мятный шкаф. Карманы Мира.

Молодежное фэнтэзи

Елена Гореликова

Глава 1. Великий беспорядок

Шкаф стоял в углу общей комнаты Элизабет и Лукреции. Старый, дубовый, с ручкой, которую надо дёргать особым образом: сначала вверх, потом на себя, затем чуть влево. Иначе не откроешь. Дерево на ощупь было шершавым, с глубокими царапинами — следы времени, как морщины на лице старца. Несмотря на это шкаф имел особую атмосферу дороговизны и мудрости. Возможно, этому способствовало то, что он был пропитан маслом какао и, смешиваясь со смолами дерева, издавал густой сладковатый шлейф.

Внутри царил хаос. Вещи лежали плотными слоями, словно осадочные породы, где каждая эпоха оставляла свой отпечаток. На одной полке громоздились худи, на другой — свитшоты, но они давно перемешались, и никто уже не помнил, где что. Ткань — мягкая, ворсистая, прохладная — пахла бумажками от конфет, остатками парфюма и чем-то неуловимо знакомым, от чего щекотало в носу. Всё это ворохнулось, когда сёстры открыли дверцу, — казалось, вещи давно свернулись здесь в гнезде, дожидаясь своего сна, и теперь недовольно ворочались.

Элизабет, старшая, была невысокой — ниже младшей на полголовы, что в свои семнадцать казалось ей несправедливым. Она часто вставала на цыпочки, чтобы достать с верхней полки, и морщилась, когда Лукреция, которой недавно исполнилось четырнадцать, легко дотягивалась до того же самого без всяких усилий. Лукреция была высокой, стройной, с маленькой родинкой у левого крыла носа — настолько аккуратной, что казалась нарисованной тушью. Эту особенность она считала меткой исключительных людей и причисляла себя к ним.

Волосы у обеих были длинными, русыми, и каждый вечер они садились перед большим зеркалом в резной раме, чтобы расчесать их. Движения щётки — мерные, успокаивающие — рождали лёгкое потрескивание статического электричества. Волосы струились, переливаясь в тёплом свете настольной лампы, как река в лучах заката. Это был их особый, тихий ритуал, когда день утихал, и можно было побыть наедине с собой.

Глаза у обеих были распахнутые, с длинными ресницами, серо-голубые, но они меняли цвет в зависимости от настроения и цвета выбранной одежды. У Элизабет они станови-

лись небесно-голубыми, когда она была спокойна или сосредоточена. У Лукреции — таинственно-зелёными, когда она мечтала или придумывала что-то необычное.

— Лукреция, ты опять засунула мою куртку под гору свитеров, — сказала Элизабет, запуская руку в недра шкафа. Пальцы утонули в вязкой толще вещей: гладкое, ребристое, шершавое — каждое прикосновение рождало новые впечатления. Шелест синтетики, мягкий вздох хлопка, лёгкий звон молнии. — Сколько раз говорить: худи кладутся слева, свитшоты — справа.

— А я не люблю, когда всё разложено по полочкам, — ответила младшая, копаясь в другом углу. — Когда вещи в куче, они как будто живые. Шевелятся, переговариваются. Слышишь? Вот этот свитер будто шепчет что-то.

— Шевелятся… У тебя фантазия, как у мультипликатора.

— А у тебя — как у бухгалтера. Всё по спискам.

Элизабет вздохнула, но беззлобно. Лукреция, пользуясь своим ростом, нависла над сестрой — полутень упала на блокнот, который Элизабет держала в руках. Это был её привычный жест, когда она хотела доказать свою правоту: чуть приподняться, заслонить свет и сказать: «Вот видишь? Я выше — значит, я лучше знаю». Элизабет лишь отодвинулась, делая вид, что не замечает.

— Тут пахнет мятой, — сказала она, втянув носом воздух. — Мы не покупали мятных саше.

— Странно. И ещё… как после дождя. — Лукреция прикрыла глаза. — Сыростью, мокрыми листьями, чем-то зелёным.

Элизабет встала, подошла к шкафу, дёрнула ручку. Дверца поддалась с низким, певучим скрипом — будто старый виолончелист провёл смычком по струне. На пол, шурша и шелестя, вывалился ворох одежды. А вместе с ним — джинсы.

Сёстры замерли.

— Это… не наши, — произнесла Элизабет, и голос её дрогнул. Она не решалась дотронуться. Лукреция тоже не двигалась. Джинсы лежали на полу — плотная, незнакомая ткань, кожаная нашивка на поясе, незнакомый фасон. От них пахло чужим домом — корицей, свежими газетами и чем-то совсем незнакомым.

— Откуда? — прошептала Лукреция.

Элизабет медленно протянула руку, но замерла на полпути.

— А если они… не настоящие? — сказала она. — Или если их нельзя трогать? Они, затаив дыхание, молча смотрели на джинсы. В комнате повисла пауза — только часы на стене мерно тикали: тик-так, тик-так, отмеряя секунды, которые вдруг стали тягучими, как мёд.

— Надо посмотреть, — наконец сказала Лукреция. — Просто потрогать. Не примерять же сразу.

Она опустилась на корточки, провела пальцами по ткани, по швам, по карманам. Пальцы скользили по плотному дениму, ощущая каждую нить, каждый стежок — выпуклый, упругий, как змеиная кожа.

— Кажется, настоящие, — прошептала она. — И очень мягкие.

Элизабет всё ещё колебалась.

— А если они пропали у кого-то? Может, их нужно вернуть?

— Кому? — возразила Лукреция. — Здесь не написано адреса. И вообще, они появились в нашем шкафу. Значит, теперь наши.

— Это не аргумент.

— Тогда давай померим. Если не подойдут — сложим обратно.

Элизабет нерешительно взяла джинсы, повертела, мысленно сравнила с собой.

— Ладно, — сказала она. — Но только на секунду.

Она натянула джинсы. Ткань обхватила бёдра, как вторая кожа — тепло, плотно, уютно. Они сели идеально, словно портной снимал с нее мерки для этого момента.

— Будут мои, — сказала она, но голос прозвучал неуверенно, как эхо в пустом коридоре.

Она залезла в карман. Пальцы коснулись бумаги — шершавой, с оборванным краем. Билет. Дата — завтрашняя. А названия города она не разобрала: буквы были странные, неизвестный шрифт — танцующий, как муравьи на сахарной карте.

Потом в том же кармане она нащупала что-то ещё. Резинку для волос — синюю, с выцветшим бантиком. Резинка была уже растянутой, пожившей, но, видимо, любимой! На резинке был обнаружен черный волос.

— Это не наше, — прошептала Лукреция. — Откуда?

— Не знаю. Оттуда же.

Они переглянулись. В комнате снова стало тихо — только часы продолжали свой ровный, спокойный бег: тик-так, тик-так. За стеной мама переворачивала блинчики. Шипение масла, лёгкий звон лопатки. И запах — мёд, молоко, домашнее тепло.

— Хочешь, я спрошу у мамы? — предложила Лукреция. — Она же всегда находит потерянные вещи. Может, и эти найдёт? И твои синие джинсы, которые ты не находишь?

— Не надо, — быстро сказала Элизабет. — Мама… она не любит, когда вещи берутся из ниоткуда. И вообще, её дар — находить то, что уже было. А это — из ниоткуда.

Они посмотрела на шкаф. Тёмная щель между вещами казалась подозрительно-таинственной. Как будто легкий ветерок протянул мятный шлейф из шкафа и шевельнул волосы. Казалось, оттуда тянет холодком и одновременно теплом — как из распахнутой двери, за которой не то зима, не то лето.

— Ты что, думаешь, это из другого мира? — спросила Лукреция, и глаза её загорелись, становясь таинственно-зелёными. — Из параллельной вселенной?

— Не знаю, — ответила Элизабет. — Но давай пока никому не говорить. Попробуем понять сами.

Она снова достала билет, повертела. Бумага хрустнула, пахнув типографской краской и чем-то далёким, неуловимым.

— Это невозможно, — сказала она.

— Значит, возможно, — ответила Лукреция, улыбаясь.

Она подошла к шкафу, заглянула в темноту. Старинный, дубовый, пахнущий мятой и дождём. И где-то там, в глубине, прятался ответ, который они пока не сумели понять.

Глава 2. Пропажа

На следующий день Элизабет полезла в шкаф за своей курткой. Той самой, лёгкой, с множеством карманов. Она всегда висела слева от платьев, но сегодня её там не было.

— Лукреция, ты не брала мою куртку?

— Нет, — ответила младшая, сидя на кровати. — Зато я не могу найти свой носок. Синий, в горошек.

— Синий? — Элизабет усмехнулась. — Мои синие джинсы тоже пропали. Может, все синие вещи решили устроить побег?

— А помнишь, в тех чужих джинсах был билет? — глаза Лукреции заблестели, из серо-голубых превращаясь в таинственно-зелёные, как мох в глубине леса. — Представляешь, где-то на другом конце планеты сидит девочка и плачет. Она купила этот билет, возможно, за последние деньги. Мечтала уехать куда-то. А теперь билет в джинсах, а джинсы — у нас. Она обыскала всю комнату, перерыла шкаф, заглянула в стирку. И… опоздала на поезд. Может, её там ждали. Может, кто-то смотрел на часы и думал: «Ну где же она?». А она не приехала. — Лукреция понизила голос до шёпота. — И никогда не узнает, что билет здесь. Держись там, дорогая. Мы ни в чем не виновны.

Она вздохнула и добавила тихо: — Не хотелось бы оказаться на её месте.

— Вчера появились чужие джинсы, но пропали мои синие. Сегодня исчезла куртка и твой носок, — сказала она. — Не кажется тебе, что это похоже на обмен?

Лукреция подошла, привычно нависнув, но Элизабет, встав на цыпочки, оказалась почти на одном уровне.

— Давай без этого. Мы сёстры.

Лукреция кивнула и опустила плечи. Её глаза снова стали серыми.

— Что, если там, откуда пришли вещи, кто-то тоже ищет свои? И получает наши. Зачем им носок?

— Не знаю. Но давай заведём блокнот. Запишем, что уходит и что приходит.

Элизабет закрыла шкаф, прислонилась лбом к дверце. Дерево было прохладным — не ледяным, но живым, как кожа человека, который только что пришёл с улицы. Холодок прошёл по вискам, и это взбодрило.

Из комнаты доносилось мерное стрекотание швейной машинки. Мама шила платье — воздушное, пышное, как у принцессы.

— Девочки, подойдите потом на примерку! — крикнула она.

Элизабет и Лукреция переглянулись. Примерки они не любили. Обе, не сговариваясь, сказали:

— Тебя.

— Тебя.

— Нам обеим, от происходящего в шкафу, не по себе, — тихо сказала Элизабет. — Но жажда любопытства не дает покоя!

Они вышли из комнаты, но где-то в глубине шкафа иной мир уже жил своей размеренной жизнью.

Глава 3. Блокнот

Сестры стали вести учет. В первой строке записали: «Чужие джинсы — пришли. Моя куртка — ушла. Носок синий — ушёл».

В тот же день вечером, когда они разбирали кучу на полке, обнаружилось, что маленький синий рюкзачок Элизабет исчез. Внутри рюкзака лежали цветные карандаши с блёстками и старая закладка для книг. Открыли шкаф — рюкзака нет. Взамен на полке лежал длинный шарф, мягкий, шерстяной, цвета утреннего неба. На концах у него были аккуратные кармашки, а посередине — потайной карман на маленькой кнопочке.

— Странный, очень странный шарф, — сказала Элизабет, ощупывая ткань. — И карман какой-то… удобный.

— Можно прятать шпоры по «матеше», — рассмеялась Лукреция. — Придёшь на «контрошу» в шарфе, а там — шпоры. И никто ничего не заметит.

— Да уж, совсем незаметно, — усмехнулась Элизабет, и смех их прозвучал как звон монетки, упавшей на пол, — чистый и неожиданный.

Из потайного кармана Лукреция извлекла заколку — большую, с зелёным кристаллом, который переливался при свете, отбрасывая на стены крошечные изумрудные зайчики. Когда Лукреция приколола её к волосам, её глаза снова стали ещё более насыщенными и глубокими на фоне этих холодных зелёных огоньков.

— Это теперь моё, — прошептала она, касаясь заколки. — Такое у меня изумрудное настроение.

Элизабет взяла голубой шарф, накинула его на плечи, и нежное полотно обняло её теплом, тонко пахнущим ванилью. Глаза её, небесно-голубые от природы, стали ещё глубже и прозрачнее, будто в них отразилась сама лазурь бескрайнего неба, и в этом отражении застыла тишина.

— И, как мы должны были догадаться, — вдруг сказала она, — У кого-то из нас должен быть минус один носок. Носки пропадают всегда. И, надеюсь, не у меня! Сестры обе захихикали.

— Значит, шкаф не крадёт, — задумалась Лукреция. — Он обменивает. Ненужное на нужное. Или нужное — на нужное, просто мы ещё не поняли, кому что нужно. Может быть, в этом и есть справедливость: каждый теряет что-то, чтобы получить то, что ему действительно пригодится.

Они посмотрели друг на друга, думая о том, на самом ли деле утраченные вещи были так уж не нужны…

— Интересно, как скоро мама заметит чужое? — спросила Лукреция.

— А мы скажем правду, — ответила Элизабет. — Что совершили обмен. Ненужное отдали, нужное взяли. По сути, так оно и было.

Лукреция взяла блокнот и записала:

Ушло: синий рюкзачок (1 карман), синий носок.

Пришло: шарф (3 кармана) + заколка.
Еще куртка, синие джинсы.

— Дело в карманах, — тихо сказала Элизабет. — У рюкзака был один карман, пришёл шарф с тремя карманами.

— Выходит, чем больше карманов ты отдаёшь, тем больше получаешь, — добавила Лукреция.

Из кухни доносилось гудение миксера — мама взбивала какую-то массу. Пахло то ли тестом для пирога, то ли клейстером для папье-маше. Семья никогда до конца не знала, что происходит в этом доме, и, честно говоря, уже привыкла не удивляться.

— Завтра проверим ещё, — сказала Элизабет, закрывая блокнот.

Шкаф стоял молча, лишь изредка из его глубины доносился слабый мятный выдох, — словно там, за старой дверцей, кто-то радовался, что на этом свете ещё осталось место для тайн.

Глава 4. День перед бурей

Утро выдалось тихим и безмятежным. Элиз сидела за столом, подперев голову ладонью, и водила ручкой по строчкам конспекта. Пальцы слегка устали, чернила уже как будто пахли гвоздикой, и слова исторических фактов въедались в память неторопливо, как рябь на гладкой воде. Ей предстоял экзамен по древним цивилизациям, и она с ужасом думала о датах правления давно забытых императоров.

— Хорошо быть при дворе, наверное, — вздохнула она. — У них точно не было экзаменов.

На пушистом ковре, скрестив ноги, Лукреция разложила ноты. Партитура была исписана карандашными пометками — кружочками, галочками, дугами, — и она тихонько напевала свою партию, следя за строчками пальцем, чтобы не сбиться. Мелодия вилась в воздухе, как тонкая нить, и врывалась в паузы между тиканьем часов в их такт.

В коридоре послышались шаги. Мама прошла мимо двери, в руках у неё была особая сумка.

— Я ухожу на восточные танцы, — сказала она, останавливаясь на пороге и складывая в сумку набедренный платок со звенящими монетками и чешки. — Потом загляну в кафе с девочками — будем пробовать новое пирожное, шоколадный бисквит с вишнями. А вы, мои хорошие, сделайте доброе дело: помойте посуду, полы с апельсиновым маслом (оно в шкафчике над раковиной), полейте все цветы в доме: лианы, деревья и фикусы. У нас же уже настоящий тропический лес.

— И перебрать рис от гречки? — с надеждой в голосе спросила Лукреция, и они с Элизабет переглянулись, улыбаясь.

— И перебрать рис от гречки, — серьёзно кивнула мама. — Золушка, между прочим, тоже с этого начинала. А вообще, разберите уже этот ваш шкаф. А то я скоро сама возьмусь — и тогда порядок будет необратимым.

Она нежно помахала им рукой и скрылась за дверью.

— Рис от гречки, — повторила Элизабет, откладывая ручку. — Мама уходит есть пирожное, а мы должны разбирать шкаф.

— Мы должны мыть полы с апельсиновым маслом, — поправила Лукреция. — А шкаф подождёт. Мама же не сказала «сегодня». Она сказала «вообще».

Они переглянулись и рассмеялись.

— Ладно, включаем музыку, — сказала Элизабет. — И за работу. А шкаф — потом.

Из динамиков полилась весёлая мелодия. Апельсиновое масло пахло солнцем и праздником. Лианы свешивались с полок, фикусы блестели намытыми листьями, а шкаф стоял в углу, молчаливый, и ждал своего часа.

Глава 5. Две встречи

Элизабет и Лукреция вышли из дома подышать свежим воздухом. Элизабет куталась в голубой шарф с карманчиками, который то и дело норовил сползти на плечо, а Лукреция решила явить миру свою изумрудную обновку — заколка переливалась в лучах вечернего солнца, отбрасывая зелёные блики на её лицо.

Они свернули на аллею парка, и вдали, у фонтана, заметили босого человека в лохмотьях из старых полотенец, с чалмой на голове, который возился со своими клунками — узлами и пакетами, перевязанными оторванными тряпочками.

— Это же тот самый чудак, — тихо сказала Лукреция. — Весь город его знает и относится снисходительно. Называют его странником или бродячим поэтом. Иногда он останавливается возле компании людей в парке и читает длинные жизнелюбивые стихи про доброго жирафа или про рукавички из облаков.

Элизабет понимающе кивнула. В этот момент один из пакетов отшельника разорвался и на дорожку высыпались носки — разных цветов и размеров, словно это была коллекция, где не повторялась ни одна пара.

Сёстры замерли, не дыша, чувствуя, как внутри всё холодеет: эти носки, которые вечно исчезают в их шкафу… возможно, не только у них. Может быть, такие же потери случались и в других домах, и все они стекались сюда, к этому странному человеку.

Прохожие равнодушно обходили произошедшее стороной. Отшельник вдруг поднял голову и пристально посмотрел на девочек. В его глазах блеснуло что-то невероятно-понимающее. Загадочный старец как будто им подмигнул, быстро сгрёб носки обратно, схватил свои пожитки и исчез за поворотом.

Элизабет и Лукреция ещё долго стояли, глядя на пустую аллею. Только шорох листьев, в котором мерещился далёкий шепот пакетов, таял в сумерках.

— Он что-то знает… — прошептала Лукреция.

— Но его уже нет, — ответила Элизабет, поправляя шарф.

Они медленно побрели домой, всё ещё находясь под впечатлением увиденного.

Смеркалось. Фонари ещё не зажгли, и небо над крышами было цвета старого серебра. Элизабет зябко куталась в шарф — ветер гнал по асфальту сухие листья.

— Завтра надо ответить по истории, — вздохнула она. — Я не выучила ни одного правителя.

— А я не выучила партитуру, — отозвалась Лукреция. — Мы обе царицы запустения.

Она поправила сползающую заколку — изумруд метнул последний зелёный луч в угасающий свет.

На скамейке у самой аллеи сидел представительный незнакомец. Он был одет в дорогой и безупречный тёмно-синий костюм — пиджак сидел как влитой, брюки с острыми стрелками падали на мерцающие лаком туфли. Поверх был накинут длинный плащ, весь в карманах — прорезных, накладных, с клапанами, на молниях, с листочкой и «в рамку». Карманы были везде: на рукавах, на спине, вдоль подола плаща и даже малюсенькие — вдоль лацкана и воротника. Но, несмотря на такое изобилие, все смотрелось удивительно-гармонично, как будто развлекался умелый портной «не от мира сего». Девочки никогда в жизни не видели столько карманов на одном предмете одежды, но они разбирались в них: знали, какой для чего предназначен, какой самый сложный.

— Это же… тот отшельник из парка! — прошептала Лукреция, не веря своим глазам.

— Или «странствующий философ», — добавила Элизабет.

На левом запястье у него были пристегнуты странные часы: не электронные и не механические, а песочные, с золотым песком. Песок в колбах пересыпался по непонятному принципу, не поддаваясь земным законам физики, — то ускоряясь, то замедляясь, будто время здесь текло по своему усмотрению.

Незнакомец поднял голову, и девочки уловили тот же пристальный взгляд, что и там, среди рассыпанных носков.

— Вы меня узнали, — сказал он мягко, с лёгкой хрипотцой, как потрескивание старой пластинки.

Он помолчал, глядя на песок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.